

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.15>

Карпович Павел Эдуардович

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

В статье рассматривается специфика интеллектуального труда в современном обществе. Автор подвергает критике оптимистическую неолиберальную модель трансформации трудовой деятельности и обращается к рискологическому подходу. Он выделяет четыре уровня проявления современных социальных рисков: нормативный, институциональный, ценностный и коммуникационный. На каждом из них можно определить специфические риски наступления когнитивного капитализма, что свидетельствует о рискогенном характере самого интеллектуального труда, а также о возникновении не только новых форм социальности, но и новых видов социальных конфликтов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(88) С. 62-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.33

Дата поступления рукописи: 11.01.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.15>

В статье рассматривается специфика интеллектуального труда в современном обществе. Автор подвергает критике оптимистическую неолиберальную модель трансформации трудовой деятельности и обращается к рискологическому подходу. Он выделяет четыре уровня проявления современных социальных рисков: нормативный, институциональный, ценностный и коммуникационный. На каждом из них можно определить специфические риски наступления когнитивного капитализма, что свидетельствует о рискогенном характере самого интеллектуального труда, а также о возникновении не только новых форм социальности, но и новых видов социальных конфликтов.

Ключевые слова и фразы: интеллектуальный труд; когнитивный капитализм; риск; общество риска; креативность; социальный конфликт.

Карпович Павел Эдуардович

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
lksm.saratov@gmail.com*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Актуальность исследования определяется трансформацией форм трудовой деятельности в контексте развития информационных технологий и сопутствующих им социальных практик. В отличие от классического анализа трудовой деятельности, представленного работами К. Маркса и представителей Франкфуртской школы, современная социальная и экономическая динамика демонстрирует постепенный переход трудовой деятельности от производства товаров к формированию и применению уникальных навыков. Этот процесс отражается не только в трансформации рынка труда и потенциальной угрозе исчезновения целого ряда рабочих профессий, но и в увеличении роли виртуализированных и дистантных форм труда.

Целью данной статьи является изучение новых форм трудовой деятельности человека, а также порожаемых этими формами социальных рисков.

Методологические основания исследования представляют собой синтез теории когнитивного капитализма, являющейся закономерной трансформацией критической теории социального, а также рискологического направления в современной социальной науке, связанного с именами У. Бека, Э. Гидденса и саратовской школы социальной рискологии (В. Б. Устьянцев). Теория когнитивного капитализма акцентирует внимание на идеологизированном характере современных концепций общества, их стремлении завуалировать или совсем скрыть антагонистический характер социальных отношений. Вместе с тем необходимо признать, что и сама по себе теория когнитивного капитализма носит ангажированный характер, поэтому ее использование в социально-философских исследованиях нуждается в существенной рефлексии.

Рискологический подход в социальной философии получил развитие в последние годы, причем все более активное применение он находит в отечественных социально-гуманитарных науках, постепенно преодолевая грань между дисциплинарными исследованиями (социологическими или экономическими) и формированием фундаментального философского видения. Несмотря на существенные различия между исследователями социальных рисков, можно выделить общие черты данного подхода, заключающиеся в понимании рисков как неотъемлемой стороны любого социального феномена, а также в социокультурной обусловленности конкретных видов рисков.

С точки зрения В. Б. Устьянцева, «современное общество представляет собой глобальное общество риска» [7, с. 166]. У. Бек, являющийся автором концепции «общества риска», разъясняет смысл глобализации рисков следующим образом: «Их нельзя уже, как это было с производственными и профессиональными рисками в XIX веке и в первой половине XX века, локализовать, свести к специфическим группам населения; в них присутствует тенденция к глобализации, которая охватывает производство и воспроизводство, пересекает национально-государственные границы и в этом смысле порождает наднациональные и неклассовые *глобальные угрозы* с их своеобразной социальной и политической динамикой» [2, с. 8]. Современное общество демонстрирует тенденцию не просто к возрастанию количества рисков, но к изменению их качественного состояния, превращению разрозненных рисков индустриального общества в системные риски формирующегося общественного устройства.

При этом ошибочным было бы сведение рискологического анализа исключительно к технологической сфере, поскольку оценка вероятности рисков и принятие / неприятие регулирующих мер являются факторами, не в меньшей степени зависящими от социального и политического контекста. Как поясняет этот переход сам У. Бек, «рушатся социальные опоры исчисления рисков; социальная безопасность вырождается в простую технику безопасности» [3, с. 167].

Локальные риски, которые выступали неотъемлемым элементом общественного развития на всех его стадиях, превращаются в системные риски. Данный переход знаменует собой увеличение плотности социальных связей, переплетение отношений между различными социальными группами и сообществами, что приводит к глобальному распространению негативных последствий тех или иных явлений. Таким образом, превращение интеллектуального труда в ведущий фактор современного экономического развития стоит рассматривать с позиций возникновения и производства новых видов социальных рисков.

Существенным в рамках затрагиваемой проблематики оказывается вопрос категориального аппарата. Дело в том, что в современных социальных исследованиях специфика новых форм трудовой деятельности отражается в появлении целого ряда категорий, обозначающих нематериальные формы труда. А. Горц, в частности, останавливается на термине «нематериальное производство», чтобы подчеркнуть принципиальное отличие данного вида деятельности от материального производства с точки зрения получаемого продукта (услуга вместо товара) [4, с. 17]. Но подобное различие оказывается бесполезным с точки зрения определения специфики современного труда, поскольку говорить о нематериальных видах трудовой деятельности можно с тех пор, когда удовлетворение первичных материальных потребностей сделало возможным возникновение сферы услуг.

Часть исследователей склоняются к тому, чтобы выделить в качестве специфического вида трудовой деятельности «творческий труд». Так, В. И. Бархатов указывает, что достоинство данной категории заключается в определении наиболее существенной характеристики производства в нематериальной сфере – ощущения свободы в процессе создания определенного продукта. «Написание поэмы, оперы, концепции, картины, закона, компьютерной программы, бизнес-плана, нового метода хозяйствования (идеи нового способа использования природных ресурсов, источников энергии, применения технологии и многое другое) – все это экономический продукт, созданный творческим трудом человека» [1, с. 22].

Творческий труд осуществляется посредством сознания человека, а не используемых им материальных инструментов, но при этом следует указать, что сам по себе он наделен внутренними противоречиями. С одной стороны, творческая деятельность человека может относиться к реализации определенных рациональных стратегий, построению логических взаимосвязей, унификации и стандартизации предшествующего опыта (когнитивно-конвергентный труд). С другой же – творческая деятельность предполагает выход за пределы стандартных схем, поиск инновационных путей решения традиционных проблем, креативное осмысление действительности (когнитивно-дивергентный труд).

Нетрудно заметить, что в современном обществе возрастает как раз роль когнитивно-дивергентного труда, что повышает ценность не шаблонов поведения, которые могут быть сохранены и переданы посредством материальных источников информации, а уникальных навыков и компетенций, которыми обладает конкретный индивид. Как справедливо отмечает И. А. Москалев, «интеллектуальный труд и продукт с его составляющей в виде знаний не могут быть чем-либо измерены и объективно оценены. Особую роль в производстве знаниеемких продуктов играют сложно формализуемые характеристики, связанные с креативностью, коммуникативными способностями и навыками самоорганизации специалистов» [6, с. 94]. В такой трактовке понятие «интеллектуального труда» становится универсальной характеристикой, определяющей трансформацию капиталистического устройства, его переход на новый диалектический виток функционирования, на котором процесс социально-экономического отчуждения демонстрирует новые возможности. Креативность мышления, интеллектуальный характер создаваемого продукта еще не освобождают индивида от сковывающих его уз капиталистического строя, а создают лишь иллюзию подобного освобождения, порождая новые риски его существования.

П. Павлидис отмечает: «Сцепление между интеллектуальным трудом и материальным производством началось еще в эпоху промышленной революции, которая способствовала расширению использования научных знаний в планировании, производстве и эксплуатации средств производства» [8, р. 39]. Но в условиях промышленной революции интеллектуальный труд играл вспомогательную роль по отношению к материальному производству, поскольку сфера применения его результатов ограничивалась улучшением характеристик машинного производства. Креативные решения выступали не самоцелью трудовой деятельности человека, а являлись лишь элементом оптимизации механизмов обеспечения господствующего класса необходимыми товарами.

П. Вирно отмечает, что постепенное возрастание роли интеллектуального труда меняло и социальную структуру общества, в частности, увеличивало роль образовательного сектора. «Люди становятся факторами производства как предъявители знаний и интеллектуальных способностей и, уже в силу этого, как организаторы производственных процессов. Ограниченная роль образования в доиндустриальном обществе объясняется чрезвычайно ограниченной ролью науки и интеллектуального труда в экономической сфере общества» [10, р. 4].

Современное общество демонстрирует новую стадию развития интеллектуального труда, на которой он предстает уже не в качестве вспомогательной формы деятельности, а в качестве наиболее влиятельной производственной практики, определяющей трансформацию экономической структуры общества. Превращение интеллектуального труда в наиболее символически значимую сферу производственных отношений означает постепенную трансформацию сложившихся социальных структур, которая зачастую оценивается в позитивном смысле. Но вступление общества в стадию когнитивного капитализма не приводит к действительному освобождению труда, а обозначает лишь становление новых форм социальности, представляющих собой очередной способ закрепощения деятельностных способностей человека. По словам К. Верчеллоне, «Конфликтотенная (conflictual) динамика отношения знания и власти занимает центральное положение в объяснении тенденций увеличения биологического и технического содержания капитала» [9, р. 15].

Системный характер современных социальных рисков позволяет выделить несколько уровней их реализации: нормативный, институциональный, ценностный и коммуникационный.

Нормативный уровень социальных рисков заключается в том, что распространение интеллектуального труда во всех сферах человеческой деятельности сопровождается усложнением правовых аспектов регулирования и управления интеллектуальной собственностью. Авторское право, возникшее в качестве инструмента защиты прав производителей и разработчиков новых технологий, превращается в инструмент социального отчуждения, поскольку ограничивает возможность рабочих использовать существующие технологии интеллектуального производства без соответствующих отчислений в пользу правообладателей. Если в случае материального производства необходимость таких отчислений обосновывалась амортизацией орудий труда, находившихся

в собственности других лиц, то с наступлением эры доминирования интеллектуального производства индивиды оказываются вынуждены платить за саму возможность осуществления трудовой деятельности. В этом смысле нормативные последствия внедрения интеллектуальной собственности становятся фактором риска с точки зрения не только технологического совершенствования общества (это определяется ограничением доступа заинтересованных участников к технологическим достижениям), но и позволяют воспроизводить и углублять существующие социальные границы. Социальный риск в нормативном измерении представляет собой *сознательное использование правовых установлений для закрепления и сохранения социального неравенства*.

Институциональный уровень рисков выражается в сохранении и воспроизводстве господствующих форм мышления, которые не позволяют реализовать потенциал информатизации и виртуализации трудовой деятельности. Следует оговориться, что социальный институт в данном случае понимается в феноменологическом смысле, а именно – как стереотипизированные способы восприятия и отношения к действительности, которые находят отражение в человеческом поведении. Таким образом, необходимо различать институциональную и организационную сферы проявления рисков. Возникновение специализированных организаций, отвечающих за регулирование интеллектуального труда, является проявлением сохраняющихся в общественном сознании форм мышления, препятствующих осознанию креативного потенциала интеллектуальной деятельности. По справедливому замечанию В. И. Бархатова, понятие творческого труда обязательно сочетает в себе внутреннюю и внешнюю оценку. С одной стороны, критерием креативности является стороннее мнение, способное сравнить конкретный произведенный продукт с аналогичными образцами, а с другой – сам рабочий должен осознавать творческий характер производимых им действий. «В качестве результата труда может выступать интенсификация производственного процесса, повышение нормы выработки, минимизация затрат предпринимателя, увеличение прибыли» [1, с. 23]. Без учета одного из указанных критериев творчеством можно считать производство любого товара лишь на том основании, что конкретный предмет создается впервые.

Мы считаем, что основным институциональным риском в данном случае становится *неспособность восприятия рабочим интеллектуального труда как креативного действия*. Подобная заикленность общественного сознания обладает амбивалентным эффектом. С одной стороны, она воспроизводит устоявшиеся стереотипы классического капиталистического общества, а с другой – способствует сохранению тех организационных структур, которые сознательно рутинизируют интеллектуальный труд, делают его элементом отчуждающей социальной структуры.

Ценностный уровень социальных рисков отражается в ориентации социальных групп на так называемые «постматериалистические ценности». С точки зрения представителей неолиберальной идеологии, возникновение данных ценностей знаменует собой закономерный этап экономического и культурного развития, означающий удовлетворение материальных потребностей. Но с точки зрения теории когнитивного капитализма постматериалистические ценности представляют собой разновидность «ложных ценностей», диагностированных еще Франкфуртской школой, на современном этапе развития. Еще Г. Маркузе указывал, что завуалированный цинизм капитализма заключается в отказе от непосредственного физического или экономического воздействия на работника и в возникновении нового типа идеологического воздействия, ориентированного на формирование искусственных интересов и потребностей. По его словам, «технология служит установлению новых, более действенных и ее приятных форм социального контроля и социального сплавивания. И, по-видимому, тоталитарная тенденция этого контроля утверждается еще и другим способом – путем распространения в менее развитых и даже доиндустриальных странах мира, а также путем формирования сходных черт в развитии капитализма и коммунизма» [5, с. 56-57]. Несмотря на внешнее сходство, современный капитализм не отказывается от своей функции порабощения рабочего класса, но использует развитие нематериальных отраслей производства в качестве иллюзии увеличения степени человеческой свободы.

Эти процессы, приведшие к формированию общества потребления, трансформируются в условиях становления интеллектуального труда, становясь важными факторами человеческого поведения. Индивид ориентирован на те социальные и экономические практики, которые соответствуют его ценностным установкам, но эти практики выступают лишь эффективным способом реализации капиталистического устройства. Разделение данных ценностей, ориентирующих человека на отделение символического измерения труда от реально затрачиваемых усилий, становится фактором поддержания подобного порядка. Ценностный риск становления интеллектуального труда отражает, по нашему мнению, *ориентацию на потребление символической стоимости результата труда, а также стремление к соучастию в процессе производства*.

Наконец, на коммуникационном уровне риски проявляются в формировании новых форм социальных конфликтов. Новый рабочий класс («интеллектуальный пролетариат») лишается революционной силы, но при этом социальное напряжение в обществе сохраняется, нуждаясь в новых способах ослабления и устранения. Возведенные в абсолют креативные навыки становятся источником не только символического превосходства, но и вполне реальной линией демаркации общества на привилегированные и непривилегированные слои. Коммуникационные риски интеллектуального труда реализуются в *становлении нового привилегированного слоя, вынужденного подтверждать исключительность своего социального положения с помощью сознательного противопоставления себя любым элементам традиционного социального устройства*. «Текучая социальность» состоит в принципиальном отказе от любой социальной устойчивости и стабильности, таким образом, остатки традиционных социальных групп становятся сырьем для возникновения виртуализированной и мобильной социальной структуры.

Выводы: в работе представлена авторская классификация рисков становления интеллектуального труда в условиях когнитивного капитализма, определены нормативные, институциональные, коммуникационные

и ценностные риски. Нормативные риски заключаются в том, что стремление к правовому регулированию интеллектуальной деятельности углубляет социальную дифференциацию и затрудняет доступ со стороны рабочих не только к технологическим достижениям, но и к навыкам интеллектуальной работы.

Теоретическое значение заключается в применении рискологического подхода к анализу процессов, протекающих в сфере интеллектуального производства. В практическом смысле определение и изучение рисков интеллектуального труда способствует выработке решений по минимизации и устранению факторов риска, урегулированию социальных противоречий, возникающих в условиях когнитивного капитализма. Развитие принципов рискологического анализа интеллектуального труда позволит осуществить критический анализ современных идеологем в сфере гуманитарных наук, а также будет способствовать системному видению актуальных тенденций социально-экономического развития.

Список источников

1. Бархатов В. И. Творческий труд в условиях когнитивного капитализма // Вестник Международного института экономики и права. 2013. № 1 (10). С. 20-25.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 161-168.
4. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ИД Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2010. 362 с.
6. Москалев И. А. Когнитивный капитализм общества знаний // Государственная служба. 2015. № 1 (93). С. 93-96.
7. Устьянцев В. Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 165-170.
8. Pavlidis P. The Rise of General Intellect and the Meaning of Education. Reflections on the Contradictions of Cognitive Capitalism // Journal for Critical Education Policy Studies. 2012. Vol. 10. № 1. P. 37-52.
9. Vercellone C. From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism // Historical Materialism. 2007. Vol. 15. Iss. 1. P. 13-36.
10. Virno P. General Intellect // Historical Materialism. 2007. Vol. 15. Iss. 3. P. 3-8.

INTELLECTUAL LABOR IN THE CONDITIONS OF COGNITIVE CAPITALISM: CONTRADICTIONS AND SOCIAL RISKS

Karpovich Pavel Eduardovich

Saratov State University

lksm.saratov@gmail.com

The article deals with the specificity of intellectual labor in the modern society. The author criticizes the optimistic neoliberal model of the transformation of labor activity and refers to the risk-based approach. The paper identifies four levels of manifestation of contemporary social risks: normative, institutional, value and communication. At each level, it is possible to single out specific risks of the onset of cognitive capitalism, which testifies to the risky nature of intellectual labor itself, as well as the emergence of not only new forms of sociality, but also new types of social conflicts.

Key words and phrases: intellectual labor; cognitive capitalism; risk; society of risk; creativity; social conflict.

УДК 1:376.64

Дата поступления рукописи: 15.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.16>

В статье раскрыты социально-философские аспекты проблемы социального сиротства в современном российском обществе. Особый акцент сделан на рассмотрении феномена социального сиротства в контексте культурной травмы и аномии российского общества. Феномен социального сиротства представлен как результат разобщенности современного российского общества, укоренения в индивидуальном и общественном сознании индивидуалистических ценностей в ущерб коллективистским. Обоснована необходимость формирования грамотной социальной семейной политики, направленной на профилактику социального сиротства и укрепление институтов семьи, отцовства и материнства.

Ключевые слова и фразы: социальное сиротство; современное российское общество; аномия; культурная травма; отчуждение; ценности; семья; родительство.

Клинцова Мария Николаевна, к. филос. н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

mariya.kats@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Проблема социального сиротства – одна из самых острых в современном российском обществе. Широкое распространение данного явления – следствие усиления проблемы поляризации доходов, имущественного